

Лянь Цинъян уже смирился с тем, что, проснувшись среди ночи, снова обнаруживает пустую постель рядом.

С того самого вечера, когда он впервые заметил, что к Ци Чэню вернулась ясность рассудка, место рядом с ним стало пустовать. Поначалу Лянь Цинъян испугался, что с Ци Чэнем что-то случилось. Он вздрогнул, рывком сел, окликнул его и, наспех сунув ноги в тапочки, собрался было выйти в коридор, как вдруг дверь отворилась и вошел Ци Чэнь. Его взгляд больше не был затуманенным или по-детски наивным — он стал глубоким, словно видел Лянь Цинъяна насквозь.

Лянь Цинъян не выдержал этого взгляда, опустил глаза и тихо пробормотал:

— Я думал, ты попал в беду...

Ци Чэнь промолчал. Глядя на хрупкую фигуру, замершую у кровати в нерешительности, он потерял интерес. На самом деле он хотел воспользоваться моментом просветления, чтобы выйти в кабинет и связаться со своими по сети, но не успел — услышал окрик из спальни. Когда он опомнился, то обнаружил, что даже компьютер не выключил, и поспешно вернулся.

Он планировал быстро во всем разобраться и вернуться досыпать, понимая, что в таком состоянии вряд ли сможет лежать рядом с Лянь Цинъяном. Но не успел Ци Чэнь додумать эту мысль, как сознание снова помутилось.

Лянь Цинъян стоял, опустив голову, и ждал ответа. Прошло пять минут, оба хранили молчание. У него уже затекли ноги, и только он попытался сменить позу, как на него набросились и прижали к кровати:

— Цин-Цин, я так устал, хочу спать.

Ну вот, а он-то зря переживал.

Лянь Цинъян позволил себе выдохнуть и позволил Ци Чэню обнять себя, но уснуть так и не смог. В этот момент Ци Чэнь был так похож на Ло Ичэня, что Лянь Цинъян невольно смягчился. Он одновременно ненавидел себя за слабость и не мог противостоять давлению, исходящему от Ци Чэня.

До дня рождения Ци Чэня оставалось меньше трех дней. Лянь Цинъян, проснувшись ночью, лежал в прохладной постели и размышлял о том, как сильно изменился Ци Чэнь в последнее время. Он перестал бояться одиночества и подолгу пропадал в кабинете. Поскольку они почти не расставались, Лянь Цинъян так и не купил ему телефон, поэтому Ци Чэнь пользовался компьютером, чтобы держать связь с напарниками и командованием.

Обо всем этом ему докладывал 999. Когда Ци Чэнь был в здравом уме, они почти не разговаривали. Лянь Цинъян, подсознательно сравнивая его с Ло Ичэнем, не решался заговорить первым. Они лишь обменивались парой фраз во время еды, а после, в тишине,

каждый занимался своим делом.

И только когда Ци Чэнь снова превращался в маленького глупыша, Лянь Цинъян обнимал его, позволяя побыть рядом, и лишь качал головой в ответ на настойчивые расспросы, отстраняясь от его объятий.

А Ци Чэнь, которого Лянь Цинъян представлял себе занятым важными делами в кабинете, на самом деле часто впадал в прострацию. Он помнил все, что творил в обличье глупыша, и не хотел признавать, что способен на такую нелепость. Поэтому при общении с Лянь Цинъяном он чувствовал странный стыд и вынужден был сдерживаться, что в глазах Лянь Цинъяна выглядело как холодность и отстраненность.

Когда Ци Чэнь был в сознании, он мог подавлять свои чувства, но стоило ему стать глупым, как он тут же поддавался зову сердца и бросался к Лянь Цинъяну, чтобы прильнуть к нему. Он чувствовал себя человеком с раздвоением личности: глупыш делал все то, на что он сам не решался. Он презирал глупыша за отсутствие стыда, но в то же время завидовал тому, что тот может без оглядки броситься к любимому человеку.

Нет, у него были чувства, недоступные глупышу. В те моменты, когда сознание возвращалось к нему посреди ночи, он оставлял теплый поцелуй на лице спящего, ощущая, как сердце наполняется медовой сладостью.

Уголки его губ приподнялись. На экране компьютера появилось сообщение. Ци Чэнь мгновенно переключился в рабочий режим, бесстрастно пробежал глазами текст, нахмурился и начал машинально постукивать пальцами по столу.

За день до дня рождения Ци Чэня оба, почти не выходившие из дома, перекинулись парой слов и по очереди вышли на улицу.

Лянь Цинъян долго бродил по торговому центру, а под вечер отправился в кондитерскую печь торт. Это был первый день рождения Ци Чэня, который он праздновал вместе с ним, и это было для него невероятно важно. Он еще вчера придумал узор, который хотел изобразить, и, как только хозяин лавки показал, как пользоваться инструментами, быстро и мастерски нанес рисунок.

Хозяин был поражен:

— Вы первый, кто с первого раза делает такой идеальный торт! У вас настоящий талант!

Лянь Цинъян не мог объяснить, что уже прожил много миров и успел освоить множество навыков, поэтому лишь смущенно улыбнулся. Он попросил упаковать торт, оплатил покупку телефоном и тут же увидел сообщение с незнакомого номера: Я Ци Чэнь, когда вернешься домой?

Он поспешно ответил: Скоро.

Забежав в супермаркет за свежей рыбой, он вернулся домой. Едва переступив порог, он увидел Ци Чэня, сидящего на диване в лучах закатного солнца. Тот поднял голову, взглянул на него, и Лянь Цинъян кивнул ему, прежде чем отправиться на кухню переобуться.

К его удивлению, Ци Чэнь встал, подошел к нему, забрал торт и сам заговорил:

— Где ты был сегодня? — В его глазах мелькнула радость при виде торта в прозрачной коробке. — Узор такой изящный, это ты сделал?

Лянь Цинъян смутился от похвалы и кивнул:

— Ты же хотел рыбу? Сегодня приготовлю ее в кисло-сладком соусе, а завтра сделаю вареную. Торт пока в холодильник уберем, достанем ровно в двенадцать.

Ци Чэнь согласился, поставил торт в холодильник и проследовал за Лянь Цинъяном на кухню. Он решил признаться:

— Я служу в спецназе, выполняю опасные задания. В юности был безрассудным, любил риск. Но в этот раз случилась неприятность, и, видимо, это задание станет последним. Пару дней назад я связался с напарником, с которым мы работали. Благодаря тому, что я его прикрыл, он сейчас в безопасности, и мы снова вышли на цель. Я должен был отправиться на задание еще сегодня...

Видя, что Лянь Цинъян молча слушает, он добавил:

— Раньше я либо выполнял задания, либо был в пути, и меня уже давно никто не поздравлял с днем рождения. Поэтому я хотел, чтобы ты провел этот день со мной...

Нож замер на разделочной доске. Лянь Цинъян повернулся, и по его щекам катились слезы. Он попытался сохранить спокойствие, но голос дрожал, выдавая его с головой:

— Кажется, у тебя нет права просить меня об этом. И это не твой день рождения. С самого начала тепло и заботу дарил мне тот А-Чэнь, который постоянно называл меня Цин-Цин.

Тот самый глупыш, который говорил, что любит Цин-Цин.

Ци Чэнь занервничал. Он не умел выражать чувства, его характер был совсем другим, и черт его знает, почему в состоянии глупости он становился таким, но Лянь Цинъян любил именно его. Он хотел объяснить, что они — один человек в одном теле, но, сравнивая отношения глупыша с Лянь Цинъяном и свои собственные, понял, что оправдания звучат неубедительно.

Лянь Цинъян отвернулся и принялся за рыбу. Ци Чэнь смотрел на его спину, погрузившись в свои мысли. Теперь, когда он пришел в себя, он не мог позволить себе снова напрашиваться на тумаки.

Лянь Цинъян не ожидал, что у него появится шанс так отбрить Ци Чэня, но, кажется, он немного переборщил с эмоциями: А-Лин, я не слишком перегнул палку? На самом деле я люблю и нормального Ци Чэня, но вот если бы он тоже ластился ко мне и просил обнимашек, было бы здорово. Но этот мужчина... он перед самым уходом сообщает, что собирается исчезнуть! Почему он не подготовил меня к этому морально?!

— Если он сейчас подойдет и обнимет меня, я его прощу, — 999 не желал слушать нытье своего подопечного о драме и несчастной любви, поэтому просто транслировал последнюю мысль Лянь Цинъяна прямо в голову Ци Чэню.

Лянь Цинъян вздрогнул, подавляя желание разобрать 999 на запчасти, когда почувствовал, как чьи-то руки обхватили его со спины и притянули к себе. В ушах прозвучал голос, полный раскаяния:

— Цин-Цин, прости меня. Дождешься моего возвращения?

— Ой! — Лянь Цинъян, нарезавший лук, от неожиданности дернулся и порезал палец.

<http://bllate.org/book/21564/2220150>